

*Лекарство
от верности*

*русский любовный
роман*

Галия Мавлютова

Галия Мавлютова

Лекарство от верности

«ЭКСМО»

2007

Мавлютова Г. С.

Лекарство от верности / Г. С. Мавлютова — «Эксмо», 2007

Жизни Варвары Березкиной можно позавидовать – знаменитый муж, успешная карьера, роскошная квартира. Но роковая встреча в фитнес-клубе все изменила. Молодой и красивый тренер Дима вознес Варвару к небывалым вершинам страсти. Нет сомнений – такая любовь может быть лишь раз, и потому есть ли смысл от нее отказываться? Однако дома Варвару по-прежнему ждут верные, близкие, дорогие сердцу люди. Удастся ли этой женщине удержаться на двух берегах – или придется выбрать что-то одно? Что окажется важнее – семья или любовь?..

© Мавлютова Г. С., 2007

© Эксмо, 2007

Мавлютова Галия Сергеевна

Лекарство от верности

Посвящая Наталии Николаевне Каретниковой

Страшные слова прозвучали. Они прогремели как автоматная очередь. Убив меня, сакральные слова вырвались на свободу, будто птицы из гнезда. Разлетелись по комнате, расселись по углам, поселились в моей душе. Рано или поздно он все равно произнес бы эти роковые слова. Они сидели в его подсознании. В них ощущалась боль и любовь. В сущности, я услышала вполне справедливый упрек в свой адрес. Кто я есть? Я представляю полное Ничто. Пустоту. Пустота. Безжалостная эгоистка. Самовлюбленная принцесса.

– Ты использовала меня, – сказал он и, помолчав, добавил: – Причем использовала на полную катушку.

– Ты не имеешь права высказываться в таком тоне, – довольно резко возразила я.

– В каком – таком? – мягко улыбувшись, поинтересовался он.

– В пошлом, – проворчала я, – и потому – в неприличном.

У меня еще оставалась надежда, что все можно исправить, подклеить, как разбитую чашку.

– Никакой пошлости, – горячо запротестовал он, – женщины всегда так поступают. Они используют мужчин. И делают это с нежной улыбкой, дескать, отправляю тебя на плаху в своих объятиях. И отрубают голову, предварительно поцеловав в губы. Я не прав?

– Разумеется, не прав, – сказала я и перевернулась на спину.

До этого я лежала на животе, рассматривая его глаза. Глубокие, бездонные глаза, синие и прозрачные, как родниковая вода. Иногда они меняют цвет, в зависимости от настроения хозяина. Сегодня в них застыл стальной налет. Будто айсберг. Внутри ледяной глыбы мечутся молнии, будто рапиры в кровавом поединке. Мне даже почудился на миг металлический скрежет. Я передернула плечами. Страшно. Между нами вдруг пролегла пропасть. Она разделила нашу любовь. Разбросала две души по разным вертикалям жизни: он юн и свеж, у него впереди своя жизнь. И в ней будут ошибки и боль, но это будут его ошибки. Его боль. И никто не знает, каким он станет через десять лет. Он и сам этого не знает. Я не вписываюсь в его жизнь. У меня уже все позади. Жизнь построена и закрыта на замок. Страх все больше обвинял меня своими хватистыми щупальцами, наконец он пролез в меня, устроился болезненным волдырем и принялся разжевывать душу. Я осторожно придвинула свою руку к его, боясь потревожить потрескивающие молнии. И вдруг боль сразу прошла. Наши души вновь соединились. Достаточно было одного прикосновения, и наши тела перелились одно в другое, будто кто-то смешал в одном сосуде две различные жидкости.

– Ты боишься будущего? – спросила я, растворившись в нем – будто погрузилась на дно сказочного моря.

– Не боюсь, – сказал он, брезгливо отдернул руку и замолчал. Молчание переросло в напряжение. Тихое и опасное. Как перед грозой. И пропасть между нами стала еще шире, еще необъятнее.

Я вдруг поняла, что он боится остаться один на один со старухой. Причина его страха заключается именно в этом. Проникновение в чужую мысль поразило меня глубоким отчаянием. Ничего изменить нельзя. Сюжет заключался в том, что, будь я моложе его хотя бы на два года, он бы меня даже не заметил. Я ему понравилась именно такой. То же самое можно сказать и обо мне. Будь мне меньше лет, я в его сторону даже не взглянула бы. В то благословенное время мне нравились совсем другие мужчины. И изменить ничего невозможно. Жизнь предложила нам заранее проигранный вариант, разбросав нас по разным берегам. А

теперь она наслаждалась чудовищным экспериментом, соединив наши души в одно целое на короткое мгновение.

* * *

Там, в далеком прошлом, на другом берегу осталась моя прежняя жизнь. И она была прекрасной, юной и чистой, с романтическими грезами и пылкими фантазиями, смутными желаниями и неопределенными надеждами. Есть люди, определившие жизненный путь с самого момента рождения. Все у них просто и ясно, будто они еще в материнской утробе вдруг прозрели, в душных и склизких потемках высмотрели себе путеводную нить, ухватив самый кончик крохотным кулачком. И упрямо идут, наматывая нитку судьбы в клубок сбывшихся надежд. Эти люди изначально похожи на старичков. Они обо всем могут судить, всегда имеют собственное мнение. А я ничего не знаю о жизни. Я всем довольна. В сущности, счастлива. Другой берег остался позади. Он забрал мою молодость, оставив взамен сытую, самодовольную зрелость.

– Я не опоздал? – спросил мужчина.

Какой-то незнакомый человек, чужой, из другой жизни. Что он делает в моей квартире? Как сюда попал? Посмотрел на часы, протянул букет цветов. Странно. Видимо, нездешний господин по ошибке забрел в мой дом. Но это – не чужой господин. Человек с букетом – мой муж. Родной и привычный. Теплый, живой, родной. Сегодня он выглядит немного утомленным.

– Кажется, вовремя. Успел к ужину, – он неуклюже уткнулся носом в мой висок.

– Спасибо, дорогой, – вздыхаю я, устраивая цветы в вазе на высокой ножке. Взять бы эту длинную стеклянную ножку и изо всей силы треснуть вазой об пол, чтобы осколки в стену врезались, но я сдерживаю свой порыв. Настоящая аристократка. Хорошая жена. А в душе – бури и тайфуны. Но мне приходится скрывать разбушевавшуюся стихию за каменными грядами нарочитой чопорности.

Мой муж меня вполне устраивает. Красивый, высокий мужчина. Встречные женщины заглядываются на него, когда он выходит из машины, чтобы купить цветы. Домой муж обычно возвращается с пышным букетом. Тем-но-бордовые немного надоевшие розы. Я привычно принимаю цветы, сую нос в шуршащий целлофан, ловлю приторный аромат и вздыхаю, вспоминая скрывшийся в тумане лет далекий берег. В молодости муж никогда не дарил мне цветов, стеснялся проявления чувств. Он и сейчас краснеет, когда подносит мне цветы, мне кажется, что он тихо шепчет: «Я люблю тебя». Но муж никогда не произносит вслух сокровенные слова. Мне всего лишь кажется. Я слышу то, что хочу услышать. Цветочное подношение стало для мужа одной из вредных привычек, превратилось в семейный ритуал. У нас ведь самая обычная семья. Мы живем без скандалов, косых взглядов, ссор и выяснения отношений. Да и выяснять нам нечего. Страсти ушли в прошлое. Еще в начале брака я поняла, что мой муж является отдельной величиной, вполне отъемлемой от меня, и сразу наступило спокойствие в семье. «Отдельная величина» с непомерным уважением отнеслась к незыблемой супружеской установке. Разговаривая с мужем, я всегда отдавала себе отчет в том, что он спокойно может разлюбить меня, увлечься другой, в конце концов, может устать от семейной скуки и уйти на все четыре стороны. В нашем доме бывали интересные люди, мы путешествовали вдвоем и поодиночке, объездили почти весь земной шар. Я всячески старалась обеспечить мужу ощущение свободы. Свобода – это воздушное пространство брака. Любая семья напоминает тюремное заключение, поэтому необходимо периодически организовывать побеги на волю. Закрытое стойло может свести с ума самого стойкого индивида. И я создавала легкий флер недоговоренности, между нами оставались недомолвки и недосказанности. Именно эта незаконченность придавала нашему браку четкую стабильность. Я берегла нашу

семью до тех пор, пока на меня не обрушилось настоящее горе. Сначала это было мое личное горе, затем оно стало общим.

* * *

Я родилась в Ленинграде 14 мая 1961 года. Помню мои первые ощущения. Я робко ступаю босыми ногами по холодному, только что вымытому полу. Коридор кажется мне непомерно длинным, растянутым в вечности. Мне зябко, я кутаюсь в короткое платьице, рву подол, тереблю оборки. В самом конце коридора – кухня. Там звучит музыка, там – светло и тепло. И там моя мама. Я боюсь остаться без мамы. Босые ноги упрямо скользят по полу, но коридор вытягивается, уносит кухню куда-то далеко и высоко, на другую планету. И я громко плачу, стараясь заглушить фортепианные аккорды, доносящиеся из другого мира. Но музыка звучит еще громче, аккорды бьют по темечку, я дергаю платьице, слышится треск ткани, я плачу навзрыд, вдруг чувствую, как пол оказывается наверху, на меня что-то накатывает, заталкивает в круглый шар и постепенно сознание уплывает. Кухня окончательно потерялась вдали. Яркий свет медленно меркнет, громкая музыка тихо угасает. Мама машет мне рукой с далекого берега. Между нами глубокая река, черная и пустая. Постепенно пустота засасывает меня в бездну. Но я знаю, что я есть. Никуда не исчезла. А мою маму она украла. Спрятала в тусклой бездне яркий свет, оставив вместо себя мрак и отчаяние. Я забарахталась в темноте, пытаюсь выбраться из небытия. И вдруг река обмелела, высокий берег оказался рядом. Я протянула руку, чтобы взобраться на сухую отмель. Сверху послышался родной голос: «Доченька, проснулась, девочка моя, солнышко ненаглядное!»

Я открыла глаза и увидела маму. Она смотрела на меня сияющими от счастья глазами. Так мне навсегда запомнилось выражение счастья. Мамины глаза излучали небесный свет.

– Мама! – громко сказала я и вздрогнула. В первый раз я ощутила свой голос, будто потрогала его, словно он предмет – нежный, неуловимый, но твердый и осязаемый.

– Варечка, доченька, солнышко, ты корью болела, а теперь все позади, ты уже здоровенькая, сейчас покушаешь бульон и немножко поспишь, – прошептала мама, бережно приподнимая меня за плечи.

И я впервые услышала страшное слово «корь», оно навсегда останется в моей памяти как первый поединок со смертью. Пучина мрачного отчаяния, из которой я все-таки выбралась, подпитывалась этим страшным словом, будто болотной тиной. Кажется, тогда мне было всего четыре года. А потом был детский сад. Второй этаж старинного дома, облупленные стены, обшарпанная лестница, огромные ступени. Воспитательница, средних лет женщина, проводит с группой детей урок рисования. Когда-то она была художницей. Это я помню. Все вокруг говорили, что она талантлива. Потом, после занятия, – тихий час. Самый строгий час в моей жизни. Ровный ряд кроватей. Коврики. Прогулка. Полдник. И постоянное выматывающее ожидание боя часов. Когда настенные часы били шесть раз – приходила мама. Мучительное ожидание сопровождало меня долгие годы упорного восхождения по стертым ступеням на второй этаж. Теплые ласковые руки прикасались к моим щекам, лбу, проверяя температуру, а я громко смеялась, замирая от нахлынувшего счастья. Мама пришла.

– Варечка, доченька, как ты живешь? – спрашивает мама, целуя меня в мокрые от слез глаза.

– Хорошо живу, мама, – всхлипывала я, не признаваясь, что весь день прожила в мучительном страхе, озираясь по сторонам, боясь пропустить бой часов. Приближение желанной цифры узнавала по гулкому звуку. Один удар. Обед. Два. Тихий час. Три. Четыре. Полдник. Прогулка. Пять. Урок рисования. Шесть. Ура! Шелест любимых шагов. Шорох болоньевого плаща. Запах цветочных духов. Я зарывалась лицом в самое любимое существо на свете, вбирая в себя ароматы энергичного тела, до боли родного и любимого. Ма-а-а-ма-а!

А в шесть лет я влюбилась. Роковая цифра. Это была любовь с первого взгляда. Его звали Вовкой. Он был моим напарником на прогулках. Мы крепко держались за руки. Так к нам пришла любовь, настоящая, взрослая, неподкупная. Когда я смотрю на своего мужа, мне уже не верится, что давным-давно этот маленький мальчик крепко держал мою руку и мы вместе поднимались по неподъемным ступеням старинного дома. Моя первая любовь нынче дарит мне цветы в хрустящем целлофане. Он здорово подрос за сорок с лишним лет. Погрузнел. И лишь взгляд остался прежним – влюбленным. Из маленького Вовки получился отличный семьянин. Классный специалист. Я помню, как он тащил меня за собой наверх по высоким ступеням. Выше, еще выше, как можно выше. Быстрее, еще быстрее, как можно быстрее. Форте, фортиссимо. Мы вместе посещали сначала музыкальный кружок, затем музыкальную школу. Нас еще не разделяло будущее горе. Я не помню, как он появился в нашей группе. Момент знакомства размылся, будто чернильное пятно. Мне кажется, он всегда был в моей жизни. Его не было только в мрачной пустоте, в той черной бездне, в которую меня закинула корь.

Нас никто не высмеивал. Тандем двух человечков не вызывал насмешек и зависти. Никто не посягал на чужую собственность. За мной не увивались другие кавалеры. Остальные дети в группе вели себя абсолютно по-детски. А мы с Вовой напоминали двух старичков, сросшихся кровью и плотью, духом и сердцем. Мама нежно улыбалась Вовке, когда забирала меня из детского сада. А Вовка терпеливо ждал, пока мы выйдем за дверь, внизу его поджидала машина. Его отец шутливо сигнализировал, дескать, мы с вами не прощаемся. Вовкиной матери я почему-то не помню. Кажется, она никогда не заходила за сыном. Вовка топтался возле сияющей «Волги», терпеливо дожидаясь, пока мы с мамой завернем за угол. Интересно, что думал Вовкин отец в этот момент? Загадка осталась неразгаданной. Я всегда любила Вовку, любила, как маму, как солнце, как прозрачный воздух после дождя. Любила, еще не зная, что такое любовь. Любила как взрослая женщина.

* * *

Мое детство прошло на подоконнике. Старая коммунальная квартира. Солнечные зайчики в окнах. Отца я совсем не помню, не знаю его, смутный образ какого-то худощавого мужчины поселился в отдаленном уголке моей памяти, наверное, я запомнила его в то время, когда мое сознание еще не посетила разумная мысль. Мама запретила говорить о нем, а когда она умерла, я обнаружила, что никаких следов моего отца не осталось. Может быть, только два слова, сказанные кому-то в дверях: «Нет, Дима!» Хотя я, кажется, сама и выдумала эти слова, хотела, чтобы что-то было. Но мама ничего не оставила, видимо, она похоронила отца, мысленно совершив обряд захоронения. А с завершением ритуала все следы исчезли. Мама часто уходила, я принималась горестно плакать, и тогда Вовка, увидев из окна, что мои плечи сотрясаются, бежал к нам домой, чтобы утешить меня. Соседка открывала ему, клацая замком и зубами, он пробирался по длинному коридору в нашу комнату и утешал меня, нежно прижимая к своей груди мое зареванное лицо. Мне казалось, что детство никогда не кончится. Так я и останусь на подоконнике навсегда, искоса взглядывая на Вовкино окно, поджидая маму, прислушиваясь к чужим шагам и посторонним шорохам. Утешив меня, Вовка садился за пианино, трогал клавиши, проверяя тональность, затем играл. Вовка любил играть на пианино. Мой муж – прекрасный музыкант. Я всегда это знала и любила в нем эту тонкую музыкальность.

Вот, пожалуй, и все мое детство. Мама, корь, Вовка, подоконник, пианино. Под нашей дверью в коридоре круглосуточно дежурила соседка. Она следила за нравственной гигиеной в квартире. Такой у нас был квартирный распорядок на Петроградской стороне. Я люблю Петроградскую, но никогда не захожу в квартиру, где прошло мое детство. Иногда мы навещаем Вовкиных родителей. Они по-прежнему живут в нашем дворе. Я заглядываю в родные окна. Страшно подумать, но я прожила на широком подоконнике целых семнадцать лет. Я беру в

руки зеркальце и впускаю в свое бывшее окно солнечных зайчиков. В комнате, где еще не высохли мои детские слезы, бурлит чужая жизнь.

В юности Вовке нравилась моя походка. Он счастливо улыбался, глядя, как я бойко цокаю каблучками по бетонному тротуару. Тайком от мамы я поставила на школьные туфельки металлические набойки. Иногда мы ходили гулять к Добролюбову, садились у памятника на скамейку. И молчали. Вовка прерывисто вздыхал. Мимо пробегали люди, они спешили жить, зарабатывать деньги, а мы сидели и никого вокруг не видели, будто кругом мелькали какие-то тени, а не живые люди. Я запахивала пальто, клала ногу на ногу, мне казалось, что я выгляжу эффектно и грациозно. Вовка задерживал дыхание, ему нравились мои актерские манипуляции. Почему-то мы ни с кем не дружили. Нам хватало самих себя. Мы погружались друг в друга, как в бездонный океан, и плавали в нем – две рыбы подросткового возраста. Вовка бережно поправлял воротник моего пальто, чтобы я не простудилась. Иногда мы прятались от всех в парадном и сидели на подоконнике. Разговаривали, молчали, вздыхали. И все-таки оставалась какая-то недосказанность. Мы не знали тогда, что эта недосказанность останется в нас навсегда. Мы утаили друг от друга самое главное. И никогда уже не узнаем, что скрывалось за этим. А главными в наших отношениях были мы сами. Мы не знали, что нас объединяет. И никто этого не знал.

В старшем классе Вовкины ухаживания мне наскучили. В школе появился новый ученик, Константин. Все девчонки просто с ума сходили, забрасывая его записками, посылали воздушные поцелуи в красивую спину, загадочно и томно улыбаясь, нагло высовываясь перед ним, заглядывали ему в глаза, выискивая в них тайный интерес. Но прекрасный юноша никого не замечал, лишь надменно улыбался кривой улыбкой. Всех девчонок Константин обходил как некую преграду на пути к высокой цели. Общее состояние влюбленности охватило всю школу: от первоклашек до десятиклассниц. Тут же были укорочены юбки и форменные платья. Все стены по периметру школьных лестниц были исписаны афоризмами подобного содержания: «Люблю Константина! Марина», «Умру от любви к Костеньке! Надька», «Костя, я хочу тебя! Лена», «Костя, отдамся тебе в любое время суток! Татьяна». Последнюю запись все девчонки выучили наизусть и тихо пришептывали текст романтического содержания, закатывая глаза в небо. Кто-то забелил непристойные признания известью. На следующий день ослепительно белые стены вновь пестрели эротическими признаниями. Но красавец Константин ничего не замечал.

Однажды я пришла в школу в новых колготках, которые удачно умыкнула из маминого шкафа. Колготки расползлись стрелами. Навстречу мне шел великий Константин. Стыд и страх облепили мою душу пластилином.

– Вам помочь? – спросил Константин.

– Н-нет, н-не нужно, я сама справлюсь, – прошептала я, умирая от тяжести неловкости и смущения.

– Ничего страшного, – сказал он, – у моей мамы точно такие же колготки. Только что из Италии привезли. Рвутся прямо на глазах.

Красная от нахлынувшего смущения, я отвернулась от него. Стыд залепил глаза, страх сковал губы. Я не знала, что нужно делать в такой ситуации, как себя вести, ведь я еще ни разу не попадала в нелепые ситуации в присутствии мужчины.

– Я отвезу вас домой. Вы далеко живете? – спросил благородный рыцарь.

И я уже знала, что вся школа наблюдает за нами. Я оперлась на его руку. Это была не привычная Вовкина рука. Чужая рука чужого мальчика. Но от нее исходило тепло, непомерно приятное и волнующее.

– На Большом, на Петроградской, здесь недалеко, – чуть громче прежнего произнесла я. Мы прошли по школьному коридору сквозь шеренгу любопытных глаз. Во дворе стояли бежевые «Жигули».

– Садитесь в машину, – Костя вежливо распахнул дверцу.

Я с трудом протиснулась в салон.

– Меня зовут Костей, а вас? – спросил он, поворачивая ключ зажигания.

– Варварой, – буркнула я, жутко злясь на маму.

Ведь это мама выбрала мне имя. Варвара, Варенька, Варюша, простое и грубое. Я всегда ненавидела это имя. Я даже не могла слышать, когда его произносили вслух другие, во мне сразу возникало труднопреодолимое желание – оглохнуть, причем немедленно. Сама себе я казалась девушкой с ведром. Вар-ва-ра. Мое имя, безусловно, произошло от варваров.

– Красивое имя. Варвара. Варя. Варюша, – сказал Константин.

Красивый юноша несколько раз кряду произнес ненавистное мне имя, но в его устах оно звучало иначе. Вдруг мое имя зазвучало таинственно и загадочно, будто кто-то осторожно и нежно потрогал фортепианные клавиши в ночной тишине, нечаянно вспугнув бесконечную ночь.

– Вам нравится мое имя? – изумилась я.

– Очень красивое имя, и фамилия, наверное, под стать? – спросил он.

Лучше бы не спрашивал. Я – Варвара Березкина. А могла, наверное, быть непосредственно Березиной, без колкого «к» посередке. Я опустила голову почти на колени, ниже уже некуда.

– Березкина, – прошептала я.

– Варвара Березкина, здорово! – восхищенно выдохнул Костя. – У красивой девушки должно быть красивое имя.

А мне внезапно стало дурно – для великолепного Константина я уже была настоящей девушкой. Пришлось позабыть про рваные колготки. Я зарделась, щеки разгорелись. Настоящая Варвара.

– Вот мы и на Большом, где ваш дом? – спросил Костя, и я со всего размаху опустилась на землю.

– Вот мой дом, – взмахнула я рукой и замерла.

На тротуаре перед моим домом стоял неприкаянный Вовка. Закусив губу, он смотрел на меня, будто хотел пронзить взглядом насквозь. Я почувствовала его боль, Вовке было больно. Его боль перешла ко мне, проникла в тело, руки сразу задрожали, пальцы выбили дробь на коленях. Костя удивленно посмотрел на меня.

– Не бойтесь, здесь никого нет. Вас никто не увидит, – сказал он. Костя чувствовал мою боль, переживал мой стыд. В первый раз я ощутила разнополярность восприятия. Все люди переживают эмоции по-разному, и в то же время одинаково. Я вышла из машины. Подошла к Вовке. Послала воздушный поцелуй Косте. Все сделала правильно. И все равно совершила ошибку. Так обычно бывает во взрослой жизни, вроде бы все делаешь как надо, но все верное и правильное тут же превращается в страшную и непоправимую беду. Костя тут же уехал с каменным, абсолютно непроницаемым лицом. А мы с Вовкой остались вдвоем на проспекте.

– Кто это был? – спросил Вовка.

Он спросил строгим тоном отца и мужа, будто справлялся о полученных отметках в школе. У моего мужа всегда был слишком строгий голос с суровой ноткой, как у привередливого начальника.

– Костя. Наш новый ученик, – ответила я, капризно передернув плечами. – Предложил подвезти меня. У меня небольшая неприятность. Вот, посмотри, что случилось.

Рваные чулки больше не беспокоили меня. Смущение исчезло. Странно, но перед Вовкой у меня не возникало чувства стыда. Я могла бы раздеться перед ним донага. И вдруг я почувствовала, как застучало мое сердце. До этой минуты я никогда не думала, не знала, что могу стоять перед ним в чем мать родила, что могу быть нагой и невинной одновременно.

– Никогда больше не делай этого.

До меня донесся строгий Вовкин голос: «Никогда, нигде и ни с кем». Я покорно качнула головой, дескать, больше не буду, что за проблемы, не волнуйся. И мы вошли в парадное, молча поднялись по лестнице. Истертые ступени казались огромными и высокими, как в далеком детском саду. Все было как тогда, трудное восхождение наверх. В комнате Вовка молча уткнулся мне в грудь. Я отпрянула. Слишком резкий жест, совсем не театральный, естественный. Вовка глухо застонал от страшной боли. И я вновь прильнула к нему. Как в детстве. Он был для меня самым близким и родным человеком. Его боль – моя боль. Его любовь – моя любовь. Так мы и стояли, пока не пришла мама. Она вошла в комнату без стука. И приняла ситуацию как должное. Мама все поняла, она не стала браниться. Ни одного слова упрека, мама сделала вид, что все происходящее имеет глубокий смысл. Наверное, она уже тогда знала, что безнадежно больна, и боялась оставить меня одну. Она передавала меня с рук на руки. И очень хотела, чтобы эти руки были сильными и надежными.

* * *

Мама умерла неожиданно. Во сне. В воскресенье. Утром. Я проснулась от яркого солнца. Солнечные зайцы ползали по моим щекам. Жарко и душно. И вдруг я зажмурилась от страха, осознав, что мамы больше нет. Она есть, но ее уже нет. Кто-то лежит на кровати, но мамы больше не существует. Наверное, это и есть одиночество.

– Мама? – сказала я тонким голосом.

Мой голос повис в воздухе. Я даже видела его со стороны, он раскачивался из стороны в сторону на легкой и прозрачной паутинке. Голос немного покачался и упал, разбившись вдребезги, осколки разлетелись по комнате.

– Мама-а-а! – но мама не обратила на мой крик никакого внимания. Она лежала неподвижно, не шевелясь. Мама навсегда слилась с вечностью. Я медленно привстала, не глядя на стылую кровать, босиком выбежала в коридор. Соседка стояла под дверью. Она всегда стояла на этом месте, здесь была ее жизнь, она охраняла нас, как цепной пес, не зная сна и покоя.

– Мама не просыпается, – растерянно пробормотала я, – посмотрите, пожалуйста, что с ней. Я боюсь. Я боюсь! Боюсь-боюсь-боюсь!

Мой пронзительный голос вновь улетел наверх, повис на электрической проводке, видимо, застрял между лампочкой и шнуром. Соседка вздрогнула.

– А ты ее потолкай, потолкай легонечко, вдруг она проснется, – сказала она.

Я без сил упала на соседку, сползая вниз, на пол, и она обняла меня, удерживая на своей груди, рыдающую, осиротевшую. Соседка искренне сочувствовала мне, ведь я была частью смысла ее бытия. Она прошла в комнату, потрогала мамин лоб, подержала на весу гипсовую руку и обреченно покачала головой. Пол плавно поехал по стене, переместился наверх, вновь обрушился вниз, и я потеряла сознание, упустила его. И не смогла догнать. Ведь за сознанием не угонишься. Страшная житейская корь вновь затянула меня в свое болото, погрузив в черную бездну. Там было пусто, мрачно, тоскливо, и очень одиноко. Но я знала, что я еще есть, я не исчезла. Мое перевернутое сознание не покинуло меня, я очнулась от ласкового прикосновения. Надо мной склонился Вовка. Тогда я еще не знала, что он будет моим мужем. А может быть, я знала это всегда.

* * *

– Все позади. Кризис прошел, – сказал Вовка.

– Какой кризис? Где моя мама, что с ней? – я приподняла голову и тут же опустила на подушку.

Голова заметно отяжелела, будто в нее налили расплавленное олово.

– Ты болела, слишком долго болела, – сказал он, – но теперь все позади. Подожди. Тебе нельзя волноваться. Выпей лекарство.

– Не хочу, – я сердито оттолкнула его руку с каким-то терпким пахучим снадобьем. – Где моя мама?

Я смотрела ему в глаза. Он не отвел взгляд. Не спрятался, не испугался. Он вел себя как взрослый мужчина.

– Мамы больше нет. Она умерла. Сердечная недостаточность. Успокойся. Скоро мы поедем к ней. Она ждет тебя. Ты же не успела попрощаться.

Вовка говорил взрослые слова, мудрые и успокаивающие. Они подействовали на меня, как лекарство. Я уснула. Мне приснилась мама. В крепдешиновом платье, с осиной талией, в туфельках на тонких шпильках, в ореоле пышных волос. Она бежала мне навстречу, спешила, будто боялась опоздать. И все равно опоздала. Между нами разлилась река. Темная, мутная, грязная река времени. Берег стремительно отдалялся от меня. Я бежала по воде, но мама уже растаяла. Только крепдешиновое платье развевалось на холодном ветру. Я стояла в холодной воде и с тоской смотрела на удаляющийся берег. Ощущение сиротства входило в меня, как отдельный орган, как коленная чашечка. Теперь мне придется жить с этим органом, с этим состоянием. Я уже никогда не избавлюсь от него. Оно будет жить во мне, руководить моими поступками, желаниями, настроением. Никакая река не сможет поглотить это состояние. Человеческий орган невозможно удалить без вреда для организма. Нужно привыкнуть, сжиться с ним. Вода хлынула откуда-то сверху, затопила меня почти с головой. Я вздрогнула и проснулась. Страх ушел. Сиротство осталось. И Вовка все понял. Он погладил мою руку. В эту минуту Вовка стал для меня отцом и матерью, братом и сестрой. Он стал моей жизнью. Я заплакала. Теперь у меня было все. Но сиротство жило во мне, и оно уже никуда не денется. И Вовка никуда не денется. И мы покинем этот мир вместе. Ведь у нас была общая жизнь. Одна на всех.

* * *

Когда умерла мама, мне было шестнадцать. Оставался еще один школьный год, последний год юности. Кроме комнаты в коммунальной квартире у меня ничего не было. Мама ушла в небытие, оставив мне пенсию, в общем-то на жизнь хватало. Соседка помогла оформить документы в собес. Мне выдали удостоверение пенсионера. Вовка заходил ко мне каждый день. Сначала он неловко топтался на пороге, затем подходил к столу и выкладывал продукты из пакетов. Он добровольно взял на себя заботу об осиротевшей девочке, будто не видел, что я давно превратилась в девушку.

Мы все незаметно выросли. Приметный своей удивительной красотой Константин часто заезжал за мной на бежевых «Жигулях». Долго сигналил вниз, а весь дом сторожил нас, высматривая из окон, когда я выбегу к нему. Особенно старалась моя соседка. В ее комнате форточка вообще никогда не закрывалась. Иногда мы с Константином прогуливались по Петровской набережной – свежий ветер, пенистые волны, суровые пушки на «Авроре». Я любила необычные интимные прогулки. Разумеется, я старалась, чтобы о наших свиданиях Вовка не догадывался. Не хотела причинять ему боль, не хотела, чтобы он корчился в судорогах от невыносимой муки. Константин все понимал, молчал, иногда просовывал руку под мой локоть, бормотал что-то шутливое, видимо, хотел развеселить. Уныние, поселившееся в моем сердце после смерти мамы, уже не оставляло меня ни на минуту. Я могла смеяться, шутить, дурачиться, но вместе со мной смеялось и дурачилось вечное уныние.

– Выходи за меня замуж, – сказал однажды Константин.

Я подумала, что он дурачится, и промолчала. Повернулась в сторону воды, наблюдая за свирепой игрой свинцовых бурунов. Волны барахтались, кувыркались. С Ладоги шел лед. Сверху нещадно палило солнце, а по воде медленно плыли огромные льдины, почти айсберги.

Константин тоже промолчал. Он подвез меня до Большого проспекта и притормозил, не доезжая до моего дома. Я не хотела, чтобы нас увидел Вовка. Но он все знал о наших свиданиях, он будто чувствовал запах волн, аромат северного ветра, пропитавшего волосы, ощущал мои вибрирующие эмоции. Когда я возвращалась домой затемно, Вовка уже ждал меня. Лишь только заканчивались уроки, он сразу мчался ко мне, он умудрялся заскочить во время перерывов между спортивными занятиями. Благодаря его опеке у меня всегда были свежие продукты. Только цветов почему-то не было. Вовка начал дарить цветы после сорока, зато систематически. Наверное, чрезмерная забота избаловала меня, я привыкла к Вовкиным подношениям, принимая его дары, как пожизненную дань вечного раба. В моей голове уже брезжили смутные желания. Смятенные помыслы. Я любила обоих – Константина и Вовку. И не могла жить без них. Ни за что в жизни не смогла бы выбрать кого-то одного. Костя был для меня рыцарем, вождленным мужчиной, а Вовка оставался просто мужем. Он стал моим родственником и был им всегда. И я любила его, как солнце, как чистый воздух после дождя. Константина я тоже любила. Любила, как северный обжигающий ветер, как палящий озноб.

Весь десятый класс я прожила в любовном дурмане, нервная горячка едва не погубила меня. Несколько раз я болела, преодолевая жестокую простуду – сказывались неосторожные прогулки по невским набережным. Вовка усердно менял на лбу мокрые полотенца, едко пахнущие уксусной кислотой. Когда я выздоравливала, прогулки с Константином возобновлялись. Мы уже не могли обходиться без них.

Константин учился на втором курсе филологического факультета университета, вошел в какой-то секретный кружок, кто-то снабжал его запрещенной литературой. Моя любовная горячка подпитывалась страхом и жгучим интересом. А Вовка тем временем страдал. Страдал глубоко, с надрывом, но не упрекая меня. Вовка ждал, когда горячка перегорит и выплеснется из меня. Я любила и была счастлива, но мое счастье слегка горчило, внутри меня прочно поселилось сиротство. Оно вызвало к жалости, вызывало частые приступы меланхолии. Говорят, что горе со временем проходит, дескать, тлен лет оседает на нем, посыпает пеплом, трухой и песком. Но это неправда. Горе становится частью организма. Человек не может существовать в чистом виде. Он собирает в себя образы людей, встретившихся на его пути, чувства и эмоции, пережитые в течение всей жизни. Собирает в себе остатки чувств и переживаний.

Уныние не мешало мне любить и радоваться, мое сердце бурно билось, едва я наталкивалась взглядом на Вовкину фигуру, застывшую у моего парадного. И все чувства вскипали, когда я видела бежевый бок «Жигулей», радостно пыхтевших у въезда в школьный двор. Прикосновения обоих одинаково будоражили меня. И Константин, и Вовка притрагивались ко мне бережно, еле ощутимо, будто боялись поранить. Я помню их неуловимые прикосновения, будто я была хрупким драгоценным сосудом. Помню жесты, приветливые лица, блестящие от счастья глаза.

Надежда сверкала небесной звездой. И мне безумно хотелось целоваться. Все девчонки в классе горделиво хвастали своими подвигами на любовном фронте. Я уже знала, кто и как целуется, где и когда, а мне нечем было хвастать. Однажды Вовка прижался ко мне и нечаянно коснулся губами моей пылающей щеки. Я вздрогнула. Мы отпрянули друг от друга и насупились. Стало неловко, будто нас застал кто-то чужой и строгий в неподобающей ситуации. После этого случая Вовка изредка трогал мою ладонь, переплетая узкие пальцы в тугую косичку. На этом все наши прелюбодеяния благополучно заканчивались. Константин тоже не осмеливался перейти границы. Так мы существовали втроем. Любили и чувствовали. Костя чувствовал меня, как себя. Если у меня начинался насморк, Костя срочно заболел. Вовка тоже чувствовал меня, как себя. А я чувствовала обоих. И лишь они не чувствовали друг друга, зато узнавали по запаху. Вовка всегда знал, когда я возвращалась с опасных прогулок. От меня пахло Костей. А Костя всегда знал, когда я виделась с Вовкой. У него хищно раздувались ноздри, он втягивал воздух в себя и мгновенно выпускал обратно, будто это ядовитый газ. Вот

такая получалась у нас любовная геометрия. Подростковый адюльтер. И никто из нас не знал, чем все это закончится. А если бы и знал, то все равно не смог бы ничего изменить.

Прошла моя первая сиротская весна, затем протянулось лето косыми линиями дождей сквозь тоскливые поездки на Красное кладбище. В неисчислимом ряду бугорков и плит я с трудом нашла свежую могилу – без креста, без каких-либо опознавательных знаков. Денег не было даже на скромный памятник. Вовкин отец пообещал что-нибудь соорудить, но захлопотался и забыл. Напоминать было неловко, как-то неприлично. Я ездила на кладбище раз в неделю. Клала свежие цветы на земляной бугорок. Цветы выбирала самые дешевые, на дорогие не хватило бы и целой пенсии. Вовка ничего не знал о моих поездках. Я скрывала от него, видимо, он думал, что я встречаюсь с Костей. А Костя думал, что я трачу время на Вовку. Каждый думал, что хотел. А я ни о чем не думала. Ездила просить прощения у матери за то, что не успела проводить, что не призналась в любви, не узнала вовремя, кто был мой отец. Просила прощения, но, кажется, так и не получила его. Моя душа по-прежнему пребывала в унынии. Соседка однажды сказала мне, дескать, пока мать не простит тебя, всю жизнь будешь маяться.

– Долго? – спросила я.

– Что – долго? – удивилась соседка.

– Маяться, сроки кто установил? Судьи – кто? – грозно надвинулась я на нее. Мне хотелось силой стащить упертый кулак с морщинистой щеки, сдвинуть чужое тело с настоящего места под нашей дверью. Соседка испуганно всплеснула руками.

– Да кто же это может знать? Сроки Бог устанавливает. Бог – он всему судья. Он все видит, – сказала соседка и спряталась за кухонной плитой от моего гнева.

– У нас страна атеистов. А я, вообще-то, комсомолка, – как-то уж совсем неуверенно возразила я.

И ушла прочь из кухни. В комнате села за стол и, уронив голову на руки, горько заплакала. Мои слезы – чрезвычайно горькие на вкус. Проверено на опыте. Дегустация показала горькое качество продукта, наверное, в слезах присутствует скрытый яд, щелочь какая-нибудь. Пришел Вовка, вытер мои слезы, сел за пианино. Слишком долго играл. Кажется, на этом стареньком пианино играл только он. Я совсем не помню себя за инструментом. Музыка высвободила меня от нахлынувшего уныния. Той осенью Вовка играл часто, видимо, я много плакала. А потом наступила зима.

* * *

Впереди было неясное будущее, а я мечтала о славе, о карьере, о звездном пути в небо. Мне поминутно грезилась заоблачные высоты, сказочные подиумы, бурные овации, ослепительный свет юпитеров. В мечтах я всегда была почему-то одна. Там отсутствовал Вовка, не было Константина. Любовная горячка и сладостные грезы сопутствовали мне на протяжении всего выпускного класса. Я научилась погружаться во внутренний мир. Ты находишься внутри себя, как в ямке. Кротовья жизнь приглянулась мне. В ней можно было укрыться. В мечтах были волшебные замки, красивые пейзажи, сапоги и плащи, королевские платья, смелые и храбрые мужчины, абсолютно не похожие на Вовку и Константина. Я и не считала их мужчинами. Оба родные, но они не были для меня мужчинами. Они стали моим организмом, и без них я уже не смогла бы существовать.

Уроки в ту зиму я совсем не учила. Про будущие экзамены старалась не думать. Весна казалась бесконечно далекой, зима – бесконечно долгой. Та нудная и нескончаемая зима тянулась медленно, шаг за шагом, с трудом передвигая часовые стрелки на циферблате. Я видела, как они в страхе отпрыгивали от очередного деления. Мне жутко хотелось передвинуть их сразу на год вперед, чтобы они прыгали и скакали, как свинцовые волны в майский ледоход. Я много тогда читала, много думала. Сейчас уже не помню, о чем. Наверное, ни о чем толко-

вом, просто мечтала о любви, как все девчонки. Ведь я уже знала, что такое любовь, и любила. И меня любили. С самого рождения меня окружили поклонением и вниманием, видимо, я родилась для того, чтобы меня любили мужчины. Наверное, когда вокруг тебя слишком много любви, тоже плохо, тебе кажется, что избранники никуда не денутся, поэтому я много мечтала о другой, прекрасной жизни, ведь в ней будет все красиво, как в сказке. А у меня будет другое имя. Мне хотелось стать Диной Березиной, ведь стоит изменить имя, и жизнь сразу изменится. Если бы я была Диной Березиной с самого рождения, мама осталась бы жива, материнского сердца хватило бы до конца моих дней. Мы бы вместе прожили мою свадьбу и моих детей, и моих внуков. Вместе давали бы им имена – Саша, Яна, Дима... Дмитрий – самое лучшее. Я превращала мамино «нет, Дима» в «да». Я бы и сама могла стать Димой Березиным, если бы мама родила мальчика. Но я оставалась Варварой Березкиной. Я прикована к этой жизни, и металлические набойки раздражающе зацокали по асфальту. Зима неожиданно закончилась. Наступила долгожданная весна, яркая и ослепительная, пахнущая морем и черемухой. Скоро экзамены, выпускной бал. И тогда прощай, школа, да здравствует свобода, любовь, блестящее будущее.

* * *

Последнюю школьную весну я хорошо запомнила, она длилась ровно столько, сколько мне захотелось. Таких весен больше не было в моей жизни. Выпускное платье подарили Вовкины родители. Еще они купили мне туфли и пальто-плащ. Вещи были очень модными и дорогими. Я долго вертелась перед зеркалом, соседка не выдержала и просунула в дверь встрепанную голову.

– Жених подарил? – спросила она, разглядывая меня припухшими глазками.

– Родители жениха, – беспечным голосом откликнулась я, продолжая поворачиваться вокруг своей оси.

– Это они к свадьбе готовятся.

– К чьей свадьбе? – я замедлила движение.

Треугольник превратился в круг.

– К твоей. Вовкины родители – не дураки, они не станут дарить дорогие подарки просто так, – сказала соседка и звонко причмокнула от восхищения. Ей тоже понравились мои новые наряды.

А я онемела от наступившего отчаяния, сняла пальто и туфли, размотала стильный шарфик, бросила вещи на пол. Соседка не выдержала и подбросила любопытное тело на середину комнаты, подняла вещи, аккуратно сложила и рассовала в пакеты.

– Смотри, пробросаешься, девонька, – она деловито пыхтела, всовывая пальто в шуршащий пакет, – умные женщины такими женихами не бросаются.

– Так то женщины не бросаются, – заметила я. – Я же не женщина.

– А кто ты? – вытаращила круглые глазки соседка, даже про подарочные пакеты забыла.

– Девушка, – я недовольно скривилась.

Мне хотелось свободы, воли, простора, я хотела побеждать.

– Девушка – она и есть женщина. Нечего бросаться вещами и женихами. На что ты жить-то будешь? Тебе же учиться надо. Была бы жива мать, она бы тебе всыпала по первое число. Ты знай, она все видит, все знает. Мать никогда не простит тебя.

Я осторожно подтолкнула соседку к двери, дескать, ты говори, да не заговаривайся. Она еще что-то долго бормотала под дверью, заняв привычное место. Я не вернула подарки, с удовольствием щеголяла в обновках, стучала каблучками, кокетливо забрасывала шарфик за спину, стараясь не замечать восхищенных взглядов. А душа моя разрывалась от боли и одиночества. Планета манила к себе, обещая блестящие горизонты. Незаметно прошли контроль-

ные, зачеты, семинары, наконец прозвенел последний звонок. Началась подготовка к экзаменам, занятия превратились в муку. Я уверила себя в том, что школа никогда не закончится, она станет постоянной. Вокруг меня образовалась пустота. Я заболела от одиночества. Однажды вечером пришел Вовка. Он деловито погромел кастрюлями, вскипятил чайник, чем-то накормил меня. Долго играл на пианино. Неожиданно подошел ко мне, опустил на колени, взял мои руки, поднес к губам, согревая дыханием.

– Ты переедешь к нам. Это уже решено.

Он так и сказал: «Ты переедешь к нам! Не ко мне, к нам. Ты больше не можешь жить одна». Я молча кивнула. Переехать в знакомую семью, это вам не замуж выйти. Я больше не могла жить в мрачном одиночестве. Мне было плохо одной.

* * *

Вовкины родители безумно любили своего единственного сына и согласились принять меня в семью в качестве школьной подруги. Наверное, в глубине души интеллигентные родители надеялись, что совместное проживание отрезвит влюбленную голову, когда-нибудь он разлюбит меня и все пойдет как по маслу. Но «по маслу» ничего не вышло. Вовка уступил мне свою комнату. Заставил заниматься. Каждый вечер он клал передо мной учебники, тетради, конспекты. Готовил шпаргалки, которые походили на изящные сигаретки. Мой друг был круглым отличником. Ему не нужны были подсобные средства, Вовка проявлял заботу обо мне.

Костя исчез. Наверное, он звонил мне домой, но хитрая соседка клялась и божилась, что меня никто не ищет, не звонит, не спрашивает. Экзамены я сдавала, как в тумане. Что-то списывала, что-то сама знала, а что-то мне подсказывали учителя. Они жалели сиротку. В школе уже знали, что я живу в Вовкиной семье. Наверное, этот вопрос долго согласовывали в высших инстанциях, ведь после смерти мамы за мной присматривали из органов опеки. С сиротами всегда слишком много хлопот. Экзамены прошли. Вовкины шпаргалки пригодились.

На выпускной вечер я идти не хотела. Подруг в классе у меня не было. Танцевать не любила. А школу ненавидела. И выпускной бал праздником не считала. Да и с платьем у меня ничего не вышло. Соседка обещала перешить что-нибудь из мамино, мы перерыли весь шкаф, но так ничего и не нашли, видимо, мама перед смертью ничего нового себе не покупала. Я закрыла створки шкафа и облегченно вздохнула. На нет и суда нет. Не пойду на выпускной вечер. Пусть танцуют. А я обойдусь. Буду жить в вечности. А когда вернулась после школы, на кровати лежало нарядное платье, почти что свадебное. Белое, пышное, праздничное. Не платье – мечта принцессы. Даже в сказочных грезах я не видела такого платья. Вовка заставил меня примерить. Я вертелась перед ним, кружилась, танцевала, боясь заглянуть в зеркало.

– А ты очень красивая, – изрек Вовка.

И отвернувшись, пытаюсь скрыть от меня странный блеск в глазах, видимо, платье проявило что-то новое в наших отношениях. Я невольно вздрогнула. Взглянула в зеркало. И обомлела. Кажется, это была не я. В зеркале находилась другая девушка. С другой планеты.

– А ты не знал этого? – спросила я.

– Никогда не думал об этом, – сказал Вовка с еле уловимой печалью в голосе.

– Я пойду на выпускной, – сказала я, стыдливо теребя подол платья.

– Варя, я хочу, чтобы ты была счастливой.

Кажется, он признавался мне в любви первый раз за семнадцать лет. Вовка делал мне предложение. Но не так, как это сделал Константин. Вовка знал подход к моему осиротевшему сердцу. Моя мама тоже хотела, чтобы я была счастливой. Она даже выбрала для меня самое счастливое имя, определив этим мой жизненный путь. Мама оказалась права. Все хотят мне счастья, а я изнываю от изматывающего одиночества.

– Вовка, мы с тобой поженимся? – спросила я.

Днем раньше, днем позже, в сущности, какая разница. Надо соглашаться на предложение. Не каждый день предлагают счастье. Да и Константин бесследно исчез. Не звонит. Не ищет.

– Разумеется, – сказал Вовка, – ты хочешь сразу после выпускного?

– Да, хочу. Хочу сразу.

Так мы решили пожениться вопреки надеждам Вовкиных родителей. Выпускной прошел скучно и серо, мои предчувствия оправдались. Столы ломились от обильной закуски, повсюду громоздились бутылки с шампанским, мальчишки сразу же напились, девчонки решили не отставать от них. Родители выпускников благоразумно ретировались. Шумная компания долго веселилась, отмечая долгожданный час наступившей свободы. А я отчаянно плакала в каком-то классе для маленьких. Сидела за низкой партой и рыдала, распрощавшись с одной тюрьмой, я добровольно сдавалась в следующую.

* * *

Свадьба прошла тихо. Вечером собрались Вовкины родственники. С моей стороны присутствовала вездесущая соседка. Она настырно пялилась на меня, разглядывая платье, пытаясь уловить мой взгляд. Но я всякий раз опускала глаза, чтобы соседка не заметила в них правды. Свидетелями были Вовкины родители. Мы еще не достигли брачного возраста. Для свадьбы нужно было получить массу разрешающих документов. Но упрямый Вовка был непреклонен. Он настоял и на свадьбе, и чтобы непременно на столах были салаты, бутылки, рюмки, бокалы. Я пыталась перебороть страх. Он застилал мысли черной пеленой, отнимал способность говорить, я представляла будущую ночь. Что мы будем делать? Что мне нужно делать? Я прикрыла глаза. Страх расползлся, покалывая иголками уши, ноздри, щеки. Гости скоро разошлись. Соседка хитро усмехнулась, подмигнув на прощание заплывшим веком. Родители с печальным видом сидели за столом и молчали, они тоже не знали, что им делать. Я покачнулась, страх заставил меня приподняться.

– Может, посуду помыть? – сказала я, проглатывая окончания слов.

– Нет, нет, не нужно, сидите, сидите, – поспешно перебила меня Вовкина мать. – Не волнуйтесь.

И я приткнулась обратно. Вовка с мрачным видом рассматривал серебряную вилку, будто хотел увидеть за острыми зубьями наше непонятное будущее. Всем было страшно. Вовкин отец вздохнул, потрогал за чем-то ухо и сказал, ни к кому конкретно не обращаясь: «Все нормально. Ничего особенного не произошло».

– Разумеется, не произошло, – поддакнула ему свекровь.

И вновь все замолчали, посмотрев на Вовку. А он вдруг встал, взял меня за руку и увел. В темной комнате мелькали уличные блики. Проехала машина, освещая фарами предстоящий путь, в соседних окнах то зажигался, то гас свет, из-под закрытой двери тоже просачивалась узкая полоска от торшера. Потом и она погасла.

– Мы теперь муж и жена, – сказал Вовка, – у нас все должно быть общее. Кровать, мысли, чувства. Так положено. Так живут мои родители.

– Хорошо, – глухо отозвалась я, – мы тоже так будем.

Мы молча легли, каждый на свою половину кровати. В течение года мы спали, не прикасаясь друг к другу, боясь пошевелиться. А потом все произошло само собой. Мы ничего не поняли.

Сразу после школы мы пошли учиться. Пришлось пройти сквозь гонку вступительных экзаменов, прорываться через все конкурсы и состязания. И мы победили. Вовку зачислили в консерваторию. Ему зачили музыкальные конкурсы и выступления. Я поступила в институт культуры. Мы часто виделись днем. Вместе ходили обедать. Вовка заботливо кормил меня. Иногда он даже подносил к моим губам ложку с супом, вилку с котлетой. Официантки наблю-

дали за нами, видимо, мы здорово были похожи на старосветских помещиков. Влюбленные и счастливые, в общем-то, мы никого не замечали вокруг. Студенческие годы скользили мимо, не задевая нашу жизнь. Вовкины родители привыкли, нет, меня скорее не замечали, даже посуду не разрешали мыть. И стирать запрещали. Я ограничивалась стиркой своего личного белья. За Вовкиными вещами ухаживала его мама. На завтрак нам подавали свежую натертую морковь в сметане, ветчину, чай, обедали мы в кафе. Ужинали дома. Вполне сносное существование. О потаенной свободе я понемногу забыла. Изредка навещала свою комнату, вытирала пыль, открывала шкаф, вдыхала мамин запах. Ее давно уже не было, а запах жил, будто и не собирався растворяться в вечности. Однажды я потеряла мамину могилу. Она растворилась среди других земляных кочек. Разумеется, я знала, что в архивах кладбищенского хозяйства остался номер участка. Стоило зайти в контору, и мне нашли бы родную могилу, но я не хотела беспокоить полупьяных могильщиков. Я знала, что когда-нибудь могила отыщется. Мама простит меня и укажет к себе дорогу. Вовке я ничего не сказала. Он бы всполошился, бросился на поиски, зачем беспокоить мужа по пустякам.

Детей у нас почему-то не было, а мы даже не предохранялись. Мне все казалось, что Вовке нужны дети. А я не хотела. Мне нужно было разобраться со своими чувствами. Я ждала. А чего ждала – сама не знала. Уже потом, на другом берегу, перевалив за добрую половину жизни, я поняла наконец, что нельзя ждать чего-то неопределенного. Надо жить. В юности мне казалось, стоит сдать экзамены, и сразу начнется новая жизнь. Вот получу аттестат зрелости, и что-то свершится. А как получу диплом, со мной произойдет такое! Но ничего не свершалось. Даже не начиналось. Все только продолжалось. Все текло в одном русле, в одном направлении. Свекровь часто мне говорила, дескать, ты теперь замужняя дама, на тебя все смотрят, как на взрослую женщину, но я себя взрослой не ощущала. Как была, так и осталась Варварой Березкиной. Замужество не изменило меня. Мой внутренний мир остался прежним. Внешняя жизнь не коснулась его, не исцарапала хрупкие грани.

Однажды на Петровской набережной я встретила Константина. Он стоял на гранитных ступенях, у самой кромки воды. Костя поблек, осунулся, потерял привычный лоск, будто его опустили в кислотно-щелочной раствор, побулькали и вытащили. Бежевые «Жигули» превратились в изъезженный железный мешок.

– Варюша, я так рад тебя видеть, – обрадовался Константин. Он остался на ступенях, ждал, когда я спущусь к нему. Свинцовые волны лизали его блестящие от воды ботинки.

– Костя, где ты был? Ты исчез, я даже думала иногда, что ты умер, – зачем-то сказала я.

Я обманывала его, обманывала себя, ведь я всегда знала, что Костя не умер. Я бы сразу почувствовала, что он умер. Мое сердце подсказывало мне, что у Кости что-то нехорошо с этой жизнью, у него какие-то трудности. И я палец о палец не ударила, чтобы поинтересоваться, что случилось с ним, где он, куда исчез. Нравственная лень, глухой заскорузлый эгоизм? Наверное, ни то и ни другое. В глубине души я надеялась, что Костя сам отыщется когда-нибудь, без лишних хлопот.

– Варюша, у меня были большие неприятности, – Костя ссутулился.

Мне пришлось спуститься по каменным ступеням. Серая вода билась о гранитные плиты. Константину здорово досталось. За участие в запрещенном литературном кружке его арестовали. Других членов кружка тоже преследовали. Потом всю группу посадили в «Кресты». Оттуда Константина выслали в Вологодскую область, в глухую деревню. Костя все это время работал на швейной фабрике. Шил ватники и тапочки. Жил на вольном поселении среди местных. Почему не писал? Не хотел беспокоить. Зачем давать повод для страха. Органы не любят лишних хлопот. Переписка доставила бы массу волнений как той, так и другой стороне. Константин не задавал вопросов, он обо всем догадался. И о моем удачном замужестве в том числе. Он еще больше ссутулился. Волна заползла ему в ботинок. Костя поморщился, но остался стоять на прежнем месте. Я хотела спросить его, где он сейчас, как устроился, но передумала,

закусила губу и поднялась повыше. Сверху Костя выглядел совсем маленьким, смешным и нелепым. Я вздохнула.

– Мы еще увидимся? – крикнул Костя.

– Обязательно, – сказала я, улыбнувшись ему на прощание. И ушла.

Костя нашелся, вообще-то, он никуда не исчезал. Наверное, Константин исчез для того, чтобы дать мне свободу. Я шла по Каменноостровскому проспекту и плакала. Я жалела Костю. В нем тоже поселилось отчаянное сиротство, теперь мы с ним как брат и сестра. Навсегда.

* * *

Во время регистрации я не взяла Вовкину фамилию. Так и осталась Березкиной. Мне хотелось доказать покойной матери, что я смогу вынести все тяготы наследственного ярма. Вовка не обиделся, будто ничего не изменилось, все то же детское восхождение наверх. Однажды я вернулась домой раньше обычного, я уже училась на последнем курсе института. Можно было беспрепятственно прогуливать лекции. Открыла дверь и замерла. В гостиной кто-то негромко разговаривал. Я на цыпочках пробралась в свою комнату, но обрывки слов, доносившихся из гостиной, застряли во мне до конца дней.

– Ничего не делает, только ест и пьет, даже не убирает за собой, чашку не вымоет, посуду со стола не уберет, все Вова да Вова, как нянька за ней ходит.

Это голос свекрови, прерывистый и нервный. Голос производит несвойственные ему звуки, произносит грубые и циничные слова. Не слова, сплошные обрывки, рвань какая-то.

– А вы ее не жалеете, ткните носом-то в грязную посуду, – пробубнил кто-то. Я похолодела и уткнулась носом в прохладную стену.

– Вова не переживет скандала, замкнется в себе. С ним такое уже было однажды. Он же любит эту стерву.

Я тихонько проскользнула в комнату. Вдогонку пробрались противные слова. Этот дом так и не стал моим домом. Я лишь пользовалась гостеприимством. Можно было вернуться в свою комнату, можно было разыскать поникшего от несчастий Константина. Уйти в общежитие. Рассказать обо всем Вовке. Обрывки слов мешались перед глазами, они прилипали к лицу и ушам. Если я перескажу услышанный разговор мужу, злые слова прилипнут и к нему. Стукнула дверь. Пришел мой муж.

– Володя, мы переезжаем, – сказала я.

– Куда? – возразил Вовка.

– В мою комнату. Я хочу жить в собственном доме. Хочу быть хозяйкой.

Вовка сразу согласился. Посредством длинных цепочек мы успешно обменяли комнату Вовкиной бабушки и мою – точнее, мамину, и уже через месяц переехали в отдельную квартиру. Не в центре, но и не на окраине. Устроили шумную вечеринку. Новоселье совпало с получением наших дипломов. На вечеринке было не только шумно, но и безумно весело. Несколько друзей из моей группы, столько же из Вовкиной – это были наши общие друзья. У нас образовался свой круг. После консерватории Вовка устроился музыкантом в модный оркестр. Варьете, ресторан, публика, деньги. Мне было все равно, лишь бы мужа все устраивало. А меня отправили по распределению в отдел культуры. Некоторое время я работала помощником режиссера массовых праздников. Позже перешла на должность инструктора районного комитета комсомола. А потом родился сын, родился совершенно неожиданно. Пять месяцев я не знала о том, что беременна, не замечала изменений в организме. А когда почувствовала, немедленно полюбила его. Ребенок родился здоровым, горластым и разумным. Взгляд серых глаз резко отметал любые поползновения на свободу личности. В них прочитывалось глубокое знание жизни, целеустремленность и уверенность в собственных силах. Мы сразу подружились с ним, будто знали друг друга целую вечность. Вовка был счастлив. Он закатил в ресторане

бал, оркестр целый вечер играл в пользу новорожденных младенцев всего земного шара, а артистки варьете высоко задирали длинные ноги. Чужая радость переполняла всех посетителей ресторана. Но еще больше она переполняла меня. Радость накрыла меня с головой. Сына назвали Дмитрием. В тот день я была самой счастливой женщиной. Я даже забыла о своем сиротстве, нет, не забыла, я навсегда избавилась от тяжелого чувства. Смутная река памяти унесла мое сиротство, спрятала его в своих пенящихся волнах. В тот день я решила отыскать могилу матери, поклониться ей и на коленях вымолить для себя прощение. Я ничем не обидела маму, но почему-то считала, что в чем-то перед ней виновата. Наверное, вина сидела во мне из-за того, что мама слишком рано умерла. Спустя много лет я поняла, что наши мамы всегда умирают не вовремя.

* * *

Жизнь стремительно покатилась дальше, уже без чувства вины, без сожалений. Я всем была довольна – мужем, сыном, домом, достатком. Иногда такое случается с женщинами. Они счастливы, самодостаточны до поры до времени, пока на них не обрушивается настоящая беда. И тогда эти уверенные женщины превращаются в безумных старух. Но до беды было еще далеко. Я не верила в будущие несчастья, считая, что божья кара уже посетила меня на заре юности, наказав за грехи предков, а в зрелости горе обойдет мой дом стороной. Казалось, я проживу до глубокой старости без душевных потрясений. Я преданно любила свой дом, свою семью.

Моего сына безумно любили Вовкины родители. Дмитрий постоянно находился на Петроградской, чтобы вернуть его домой, нужно было приложить максимум усилий. Свекровь без устали возилась с любимым внуком, каждую пылинку с ребенка сдувала. А сын любил только меня, Вовка совсем не обижался на нас. Его все устраивало, поэтому наши семейные отношения сложились самым наилучшим образом. Изначально я была уверена в своем сыне. Он никогда не станет наркоманом, алкоголиком, неудачником, ипохондриком. Дмитрий – боец. Он преодолеет жизнь, непременно построит свой собственный олимп. Амбиции крепко сидели в нем. Издержки перестройки и безобразия различных революций не коснулись нашей семьи. Разве что Вовкин отец расстался с должностью и перешел на другую, более спокойную, правда, менее престижную работу. В начале девяностых Вовка резко изменил курс семейного корабля. Он окончательно расстался с модным оркестром и организовал свое дело. Что-то вроде посреднической конторы по перепродаже компакт-дисков. Я ничего в этом не понимала. А бизнес оказался успешным. Вовка вообще не умел проигрывать. Вскоре мы переехали в новую квартиру на Мойке. Огромные окна, высокие потолки, цветы на подоконниках в парадном. Кодовый замок, закрытые ворота. Мы отделились от основного городского слоя, став буржуазной надстройкой над обществом. Дмитрий превратился в долговязого подростка. Вечный отличник, как папа. Вечный философ, как мама. Компьютер, теннис, бокс – мы делали все, чтобы Дмитрий вырос успешным человеком.

А Константин сошел с дистанции. Я больше никогда не видела его, нигде не встречала. Кто-то и где-то рассказывал что-то непомерно грустное и тоскливое. Запой, переходящие в заболевание, поиски работы, неустроенность. В самом разгаре моего личного благополучия я случайно натолкнулась взглядом на опустившегося мужчину, он, ссутулившись, копался в мусоре. Я сидела в машине рядом с мужем, опустила стекло. Мужчина почувствовал мой взгляд, обернулся. Константин. На меня смотрели его глаза, смотрели издали, с другого берега. Они не осуждали меня, не презирали, они по-прежнему любили меня. Я содрогнулась в страхе. Нажала на «пуск», но стекло застряло, не хотело подниматься. Мужчина шагнул ко мне. У меня остановилось сердце. Я хлопнула рукой по стеклу, пытаясь закрыться от назойли-

вого взгляда. И тут поняла, что это не Константин. Это чужой человек. Мужчина из помойки. Он просит у меня милостыню.

– Володя, да поезжай уже! Быстрее! Пожалуйста.

Я кричала, а мужчина шел, уже почти бежал, протягивая ко мне грязные руки. Мы наконец поехали. Странный мужчина исчез. Через несколько минут я опомнилась, засуетилась, потрясла сумочку, хотела сказать Вовке, чтобы он вернулся, притормозил, нужно же подать милостыню мужчине с грязными руками, но было уже поздно. Мы стремительно мчались по Московскому проспекту, спешили в аэропорт. Мы уезжали на отдых. Хотелось солнца и впечатлений. Сутулый мужчина остался в моей памяти.

* * *

Когда мы вернулись из поездки, я заболела, мой организм забастовал. Боль резко вспыхивала то в одном, то в другом месте. Она внезапно начиналась, так же внезапно проходила и вновь возвращалась, обрушиваясь неожиданно, ломая тело и душу. Никакие лекарства мне не помогали. Доктор с загадочным видом покачивал головой и так же загадочно молчал, он не мог поставить диагноз. Я похудела, почернела, осунулась. Обследования не давали результатов. Вовка ходил мрачный. Дмитрий срывал плохое настроение в виртуальном мире. Из комнаты сына доносились странные шумы, будто там происходила страшная бойня. Я всякий раз собиралась прекратить игры с ирреальностью, но, подходя к комнате сына, замедляла шаги. Пусть играет. Виртуальная война не опасна.

Я до сих пор не знаю, отчего умерла мама. Мне столько же лет, сколько было ей в тот год. Нельзя оставлять сына сиротой, но я угасала. Медленно и отчаянно. Отчаяние выгоняло меня на улицу, я почти бездумно бродила по городу. Иногда в нем можно встретить человека из прошлого – из прошлого века, из прошлой жизни, из прошлого настоящего. Кто-то резко дернул меня за рукав пальто-разлетайки.

– Варвара, это ты? – спросила седая старуха строгим тоном.

Я отшатнулась, будто передо мной оказалась сама смерть. Меня уже много лет называют по имени и отчеству. И всегда на «вы».

– Да, я – Варвара, – сдерживая гнев, спокойно произнесла я. Смерть не умеет разговаривать. Она забирает к себе молча, без слов и объяснений. Это просто старуха, ничего экстраординарного, таких много в моем городе.

– Ты не помнишь меня? – старуха схватила меня за воротник и пригнула к себе.

Я заглянула в тусклые, немного безумные глаза, заглянула, будто провалилась в бездну.

– Помню, – прошептала я.

– Совсем забыла, не заходишь домой, – ласково упрекнула коварная соседка. Это была она.

– Плохо чувствую себя, – сказала я. И замолчала. Мне не хотелось жаловаться.

– Ты, как твоя мать. Она тоже похудела перед смертью. Ей ведь тоже за сорок было, как тебе, – сказала соседка. Кажется, она совсем не щадила меня, говорила что думала.

– Я пойду, – неуверенно сказала я, с трудом отцепив когтистую руку от своего пальто.

– Ты сходи-ка, милая, к колдунье, вот тебе телефон.

Старуха сунула мне в карман пальто какую-то бумажку. Я отпрянула и вдруг бросилась бежать. Бежала, пока не устала. Остановилась и поняла, что нахожусь в незнакомом месте. Я ни разу здесь не бывала. Трамваи, люди, перекрестки, лязг и скрежет, визг тормозов и автомобильный шум. Я подняла руку и остановила такси.

– На Мойку, – сказала я.

Больше я не выходила одна. Вовка выводил меня в Павловск, иногда на Крестовский остров. Любимые места не радовали, и я вообще перестала выходить на улицу. Подолгу лежала

в постели, разглядывая полоски на обоях и порттьерах. Ни о чем не думала, мне хотелось умереть. Я устала, ведь для того, чтобы поднять мое тело из горизонтального положения, нужно было приложить нечеловеческие усилия. У меня больше не было сил – они иссякли. Я не знала, на что потратила жизненную энергию. Она вышла из меня, как воздух из резинового шарика. Однажды муж заставил меня выйти из дома. Вовка набросил на меня пальто, а я сунула руку в карман, нащарила какую-то бумажку.

– Володя, отвези меня по этому адресу, – сказала я. И Вовка беспрекословно подчинился. Муж не знал, как относиться к моей странной болезни. Многочисленные консилиумы и комиссии не могли договориться между собой. Я умирала. Меня звала на тот свет моя мама. Я знала, что она давно ждет меня.

Колдунья оказалась молодой женщиной, вполне упитанной и жизнерадостной. Она толкнула Вовку крепким кулаком в грудь, оставив его в прихожей. А меня затащила в темную комнату. На столе догорала свечка. В углу работал крохотный телевизор. Ничего колдовского. Разве что свечка.

– Меня Настей звать, а тебя как? – спросила колдунья.

– Варей, – сказала я.

Настя быстро ощупала мою спину, пальцами провела по позвонкам, будто пробовала струны гитары перед игрой, больно сжала предплечья, надавила на шею.

– Кровь у тебя застоялась, застыла. Ты, как лед, и внутри, и снаружи. А ведь ты могла бы жить иначе. От тебя яркий свет исходит. Видишь, как горячо, – сказала колдунья. Она провела рукой над моей головой. Я ощутила жар. Уши и лицо запылали огнем. – Ты сама можешь счастье дарить. От тебя люди, как лампочки, зажигаться должны. А ты свой свет насильно загасила. Гарью от тебя несет.

От монотонного голоса в комнате запахло паленым, будто кипящий воск прожег старенькую скатерть на столе. Я вдруг почувствовала брезгливость к происходящему.

– Я, пожалуй, пойду, – я резко встала и пошатнулась. Затхлый воздух скопился в легких. Невозможно вдохнуть воздух. Его здесь вообще нет. Мне до боли захотелось солнца и ветра. У колдуньи ни того ни другого не водилось.

– Тебе бы влюбиться надо, милая, а то совсем плохо будет, – сказала псевдоколдунья. Настя отошла от меня и включила свет. Ногтем придавила свечку, соскребла застывший воск со скатерти. Обычная женщина, молодая, симпатичная. Ничего inferнального.

– А что будет плохого? – спросила я.

– Ты умрешь.

Я медленно вышла из комнаты. Володя удивленно посмотрел на меня, но ничего не спросил.

* * *

Муж купил мне модные журналы, привез откуда-то рекламные проспекты, наверное, кто-то подсказал ему, как нужно развлечь захворавшую непонятной болезнью жену. Глянцевые обложки сверкали пестрыми картинками по углам гостиной. Дмитрий расшвыривал дамскую макулатуру по сторонам, ему мешала чужая разрисованная жизнь. Сын предложил завести собаку. Большого красивого дога. Наивный мальчик. Дмитрий был уверен, что животное раскрасит красками скучное домашнее существование, прибавит яркой пестроты. И пробудит меня к жизни, наконец. Вообще-то я люблю животных. И вполне терпимо отношусь к догам. Но абсолютно не переношу собачий лай и запах. У меня стойкое неприятие к домашним затворникам. Тихий кризис среднего возраста иногда заканчивается смертью. Усталость от жизни оборачивается непреодолимой тоской и унынием. Мне хотелось спрятаться от всех в земляном бугорке, где-нибудь неподалеку от мамы. А отпуск катастрофически заканчивался. В кол-

лективе не поймут моих терзаний, сразу уволят. Все знают, что я существую в обеспеченной семье. Таких легко увольнять, совесть не мучает. Перед увольнением я решила навести какой-нибудь лоск. Сначала нужно было немного оживить изможденные руки. Пришлось вызвать маникюршу на дом. Едва передвигая ноги, я открыла дверь. Меня тошнило от одной мысли, что нужно чем-то занимать гостью в течение часа. Я напрягла лицевые мышцы и улыбнулась. На непроницаемом лице появилась приветливая маска. Живая и бодрая девушка на пороге вызвала во мне острый приступ меланхолии. И все же я порадовалась, что хоть кто-то на этом свете может противостоять житейским сложностям с бодрым и непреклонным видом. В то же время во мне проснулась зависть. Маникюрша оказалась простодушной и сердечной женщиной, долго расспрашивала о состоянии моего здоровья, видимо, здорово я погасла. Пришлось приоткрыть туманную завесу, приподняв венчик внешнего благополучия. Я отговори-лась: дескать, усталость, возраст, авитаминоз.

– Это все оттого, что вы мало двигаетесь, жизнь – это движение, – заявила маникюрша, – вам надо к нам в клуб. К Диме.

– Какой клуб? – Только этого мне не хватало. Никакой клуб не сможет вернуть меня к жизни. И никакой Дима. В моей жизни уже был Дима – Дмитрий, мой сын.

– Спортивный. А Дима вернет вас к жизни. Вы его увидите и сразу полюбите. Он самый лучший тренер в городе. Хотите, я заеду за вами.

– Не хочу, но заезжайте, – сказала я.

Хотя бы один день вне дома, чтобы не видеть страдальческого выражения на лице мужа, не наталкиваться взглядом на сочувствие в глазах Дмитрия. Вон, вон из дома, куда угодно, только бы не видеть их, самых родных, самых близких мне людей. Теннисный клуб находился недалеко от дома. Нужно немного пройти по набережной Мойки, затем завернуть на Конюшенную, а оттуда уже рукой подать до пункта назначения. Где-то я уже натыкалась взглядом на модное название. Наверное, видела рекламу в одном из глянцевого журналов. В клуб я пришла пешком, долго топталась у входа, не решаясь подойти к рецепции.

– Проходите, проходите, – окликнула меня девушка из администрации. Очередная. Такое впечатление, что в нашем городе остались одни девушки. Все женщины и старухи вымерли. Пришлось пройти к рецепции, построить вежливое лицо, придать ему веселое выражение, насколько это оказалось возможным.

– Сегодня занятие для начинающих у Димы и Юли. Вы кого предпочитаете – мужчин или женщин?

– Мне все равно, – невнятно пробормотала я.

– Тогда вам нужно к Диме, – обрадовалась румяная и жизнерадостная обладательница юных лет. Она все еще находилась на другом берегу. Юная, неповторимая, она еще не ведала, что случается с женщинами на противоположной стороне.

– Мне все равно, – обреченным голосом отозвалась я.

Мне нужно убить время. Будто палач истреблю все секунды и минуты до полного исчезновения. Песчинку за песчинкой, лишь бы быстрее очутиться под маминым крылом. Спрятаться от людей в ряду ровных кочек.

В спортивном зале гурьбой столпились девушки. Никуда от них не денешься, молодость вылезала наружу, выглядывая из каждого угла. Она постоянно торчит перед глазами, заполняя собой жизненное пространство. Я сердито отвернулась, зашла в самый дальний уголок зала. И вдруг меня охватил озноб. Я никого не видела. Все тот же зал. Стайка юных девиц. Негромкая музыка. В голове что-то сдвинулось, пол покачнулся, перевернулся, оказался наверху, надо мной. Какой-то шар в голове больно ударил меня в виски, обоняние перехватило, дышать стало трудно, почти невозможно, сознание уходило, уплывало куда-то далеко, я цеплялась за него, умоляя не покидать меня, оставить мне хотя бы капельку разума. В моем состоянии было много странного и непонятного. Я знала истинную причину своего недомогания, но обмороки не

входили в перечень страданий. Это было что-то новое. И это не было заболеванием. Впервые сознание покидало меня не от болезни, не от обрушившегося горя. Оно до основания сокрушало мою прежнюю жизнь. Сознание выворачивало наружу мои комплексы, уничтожало их, меняло представления о жизненных ценностях. И совершалось все это действие на глазах многочисленных девушек. И не было причины для такого стремительного крушения. В голове еще раз что-то схлынуло, облило кровью мозг. Свершилось непредвиденное. Я захотела жить. Мне вдруг захотелось остаться в реальности. Я всегда верила в чудо. Я знала, что рано или поздно долгожданное чудо постучится в мою дверь. И оно постучалось. На склоне лет. Я вытерла испарину со лба. Мне стало страшно. В зал вошел юноша. Почти мальчик. Хрупкий, как цветок. Среднего роста, белесый, короткостриженный. Смущаясь, он долго возился с дисками, видимо, подбирал подходящую музыку. Девушки кокетливо хихикали, привлекая к себе внимание симпатичного инструктора. Я закрыла глаза. Выравнивая дыхание, будто его можно было уравновесить, отошла в глубь зала, скрывшись в полумраке. Грянула музыка, бравурная, четкая, ритмичная, под стать свершившемуся чуду. Занятие началось. Я что-то не то делала, прыгала не в такт, приседала не на ту ногу, я старалась всего лишь не упасть, чтобы не создать проблемы окружающим. Ведь если женщина, преследуемая кризисом среднего возраста, грохнется в обморок в спортивном зале модного клуба, придется вызывать машину «Скорой помощи», искать номера телефонов, звонить моему мужу, в общем, мало никому не покажется. Шестьдесят минут растянулись на века. Так мне показалось. Вся жизнь уместилась в одном часе времени. Я вновь возродилась к жизни. Во мне проснулись желания. Внутри забил неиссякаемый источник жизни. Где-то на тридцатой минуте я догадалась, что в меня вливается энергия светловолосого юноши. Молодая, кипучая, здоровая энергия была во мне ключом, мои иссохшие инстинкты ожили. Старая яблоня набухла бугристыми почками и неожиданно покрылась зелеными листочками. Наконец бесконечный час прошел. Измотанная, переполненная чужой энергией, я тихонько выскользнула из зала, боясь столкнуться смутившимся взглядом с юношескими чистыми глазами. Мне казалось, что я украла что-то у него, отняла частичку его души, прикоснулась сухими ветками к молодому побегу, выпив до дна живой сок. Жизнь прекрасна. Я дождалась солнца. Ощутила желание. Женское забытое желание. Я желала этого юношу. А он желал меня. И это было обоюдное влечение. Нас влекло друг к другу. Только он пока об этом ничего не знает. И он не знает, что уже лишился частички своей души, и он еще не предполагает, что в нем нечаянно, вопреки его воле проснулось желание, мужское и упрямое желание. Может, это и есть настоящая любовь? Вот такая – животная, необъяснимая, неправдоподобная. Вовка, Константин – оба были из другой оперы. А других мужчин я не знала. И не испытывала желания узнать. Любая женщина по природе своей – обычная самка. Так почему это животное чувство – молниеносное влечение к особи противоположного пола не вспыхивает по отношению к мужчинам среднего возраста. Ведь у них тоже бывает кризис. Встретились по случаю кризиса два человека – две особи... Странно подумать, но к мужу у меня никогда не было влечения. Я отдавалась ему из чувства долга. У нас все должно быть общее – кровать, мысли, чувства. Так он мне сказал в первую ночь после свадьбы. Так мы и жили все эти годы. Внешняя жизнь не коснулась нас. Мы жили в своем замкнутом мире. Нас устраивала наша устроенная жизнь. Интересно бы знать, а муж испытывает влечение к другим женщинам, к девушкам? Наверное, испытывает. Как он справляется с желанием, об этом я ничего не знаю и никогда об этом не думала. Девушки весело обсуждали достоинства юного тренера. Я невольно прислушалась.

– Дима как посмотрел на меня, я сразу на шпагат села. – И на меня посмотрел, и на меня, и на меня, – слышалось вокруг.

Веселые голоса. Смех. Жизнь. Молодость. Река времени еще не унесла в своих волнах смутные желания. Девушки были на берегу. Они лишь собирались в далекое плавание. И каж-

дая из них хотела, чтобы он смотрел только на нее одну. И больше ни на кого. А мне показалось, что он видел меня, и лишь меня одну желал и любил. И еще ничего об этом не знал.

* * *

Домой я вернулась обновленная, будто меня наконец отремонтировали в какой-то волшебной мастерской. Муж осторожно дотронулся до меня, вручая мне первую порцию цветов. Так в моем доме появились цветы в первый раз. Я безразлично относилась к несчастным растениям. Остатки сухих стеблей с мокрыми и осклизлыми концами я брезгливо оборачивала старыми газетами и, стараясь не смотреть на цветочные трупы, засовывала их в мусорные пакеты. Сын несказанно обрадовался, ведь мама по-прежнему дурачилась и вертелась перед зеркалом, будто у нее вовсе не было затяжной депрессии. На радостях мы сходили в кафе. Втроем, по-семейному. Мои болезни и уныние ушли в прошлое. В кафе мы слушали визгливые шлягеры и пили сухое вино. Дмитрий тянул бесконечную «пепси» как представитель нового поколения. Мы не смеялись, наслаждаясь покоем. Потом я прошвырнулась по бутикам. Одна. Выбрала себе новую одежду, костюм, пальто и шляпку. Мне хотелось на работу. В коллектив. На люди. Там другая энергетика, другие нервы, другие ощущения, нежели в домашней обстановке. Дом существует, чтобы отдохнуть в нем после трудов праведных, а чтобы отдохнуть, нужно непременно уставать. Я вновь захотела физической усталости. Когда ноют ноги от восхождения по бесчисленным лестницам, когда ломит в висках от напряжения, когда хочется расслабиться. Ведь у меня появилось место, где я могла расслабиться. Нашлась точка отсчета возрождения. Вечное напряжение можно было временами отключать, как электрический ток. Я боялась самой мысли о пережитом наваждении. Ведь у меня все хорошо в этой жизни. У меня есть муж, сын, семья. Мужа я люблю. Разумеется, я не пылаю африканской страстью, понятное дело. После стольких лет супружества это было бы странно. Володя любит меня. Но я не понимала его любви, разумеется, как могла, понимала, но не до конца.

На работе меня встретили бурно. Долго и много целовали, обнимали, хлопали по плечам и спине. Заметили новый костюм. На шляпку и пальто не обратили внимания. Все, как всегда. Отдел культуры заметно обветшал. В кабинетах и офисах давно не было ремонта. Кроме компьютеров никакого обновления. Фикусы и пальмы в холлах стоят здесь уже двадцать лет, постаревшие, тоже обветшавшие. Перед отпуском я часто смотрела на них. Мне казалось, я так же потускнела, как они, эти верные стражи казенных учреждений. Сегодня растения пышно зеленели. Они больше не выглядели серыми привидениями. За окном весна, очередная весна моей жизни. Во мне неожиданно проснулась молодость. Нежданно-негаданно я вдруг очутилась на другом берегу, вновь стала молодой, волею случая внезапно оказавшись в прошлом измерении. Сослуживцы завистливо вздыхали.

– Скоро день города. У нас много работы. Мы пашем, как волы. Все в мыле и пене, – говорили мне со всех сторон.

Но я не страшилась работы и суеты, наоборот, мне хотелось окунуться в водоворот событий, встреч, переговоров. Хотелось с головой погрузиться в сутолоку, в круговорот движения. Сослуживцы не встретили во мне понимания. А я пыталась спрятать свою вспыхнувшую страсть. Разве могла я кому-нибудь рассказать о своем чувстве? Мысли моих коллег были заняты предстоящими праздничными хлопотами.

– Можете загрузить меня под завязку, не жалейте, используйте рабочую силу, – громко провозгласила я.

Невозможно уже было представить, что еще пару дней назад я мечтала о покое, хотела убежать от всех. Даже колдунью посетила. Умирала, и вдруг такая прыть.

– В Тунисе животворящие таблетки раздают всем желающим? – спросил меня сумрачный визави.

Визави был дальним родственником начальника управления. Работал в нашем заведении на полставки. Подбивал скучный баланс. Пил чай и поедая котлетки с соусом.

– Какие такие еще животворящие таблетки? – недоуменно воззрилась я на «дальнего родственника».

Красная капля кетчупа капнула на стол. Коварный соус расплылся по документам. Меня замутило от отвращения.

– Против старости, – сердито пробурчал он. – Пожалуй, я тоже съезжу в Тунис, подкинь мне адресок. Смотри, только не забудь.

И «родственник» с большим аппетитом докусывал вампирскую котлетку. Я не обратила внимания на злой язык, всех не переслушаешь. Я забыла о поездке. Болезнь выветрилась из меня все воспоминания.

Вечером я решила пройтись пешком по набережной. В голове звучала небесная музыка, перемежаясь с замираниями сердца. Аккорд, и сердце уходит куда-то в ноги, еще аккорд, и оно взбирается обратно, медленно, заполняя уши и ноздри, пытаюсь вылезти наружу. Теперь я целиком состояла из большого сердца. Оно достигло чудовищных размеров, переросло меня. Жить с таким сердцем гораздо интереснее, чем с обычным. Маленькое сердце не выдержит глобальных испытаний. Мое запоздалое влечение может погубить меня и мою семью. Надо выстоять, непременно, чтобы не обрушиться под ударами. Пусть сердце растет, увеличивается, выпрыгивает из меня. Лишь бы оно не надорвалось от тяжелой ноши. И все-таки это настоящая жизнь, а не покойное существование в замкнутом мире. Долгожданный взрыв эмоций. Я наслаждалась чудом. Ведь жизнь – это истинное чудо. Лишь бы не захлебнуться в его плеске. Не утонуть. Я отчаянно хотела жить.

Домашние заботы не отвлекали меня от назойливых мыслей. Ужин, грязная посуда, ванна, полчаса перед зеркалом, затем беседы с сыном – все эти привычные занятия не мешали мне думать о предстоящем свидании. Да, я готовилась к будущему свиданию. Тщательный маникюр, прическа, ухоженное тело, я полировала себя, как великолепное хрустальное изделие перед предстоящей выставкой. Косметические процедуры доставляли мне несказанное удовольствие. Я отмечала про себя, что у меня абсолютно нет целлюлита, ни в одном местечке, кожа гладкая и натянутая, будто меня только что выкупали в масляном растворе, к тому же налицо полное отсутствие морщин. Живот впалый. Как же могло случиться, что в молодом и юном теле угнездилась душа старухи? Как она туда попала? Не знаю. Завтра иду в клуб. Я снова увижу Диму. Меня смущало, что юношу из клуба зовут точно так же, как и моего сына. Я пыталась найти причину этого смущения. Что-то обещало мне разгадку, но ускользало. Как будто я не могла вспомнить простую вещь. И я прикрывала смущение фиговым листком безразличия, дескать, ну и что, вполне распространенное имя. Моего свекра тоже Димой зовут. Мало ли Дмитриев на свете. В одном Питере их без счета. Целый миллион, может быть, гораздо больше.

* * *

Дима неожиданно оглянулся. Наверное, почувствовал, что я стою у него за спиной. Я густо покраснела. Залилась внутренним жаром. Отвернулась, будто мне бросилось в глаза что-то более интересное. Ничего интересного мне не бросилось, просто мне стало дурно. Пол зашатался и перевернулся. Я пошатнулась. Потеряла равновесие. Дима бросился на помощь. Он взял меня за руку, и меня обожгло. Ошпарило крутым кипятком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.